

Эмиль Людвиг. Гете. Отрывок: Гете у Наполеона (3 октября 1808 г.)

Одиннадцатый класс. Первая четверть

Преподаватель **Ксения Сергеевна Сорокина**

Какому искусству Наполеон уделяет особое внимание в беседе с Гете? Почему именно этому искусству?

«Меня приглашают в кабинет к императору. В ту же минуту просит доложить о себе и Дарю, его пропускают. Поэтому я не решаюсь войти. Меня приглашают вторично. Вхожу. Император сидит за большим круглым столом и завтракает; справа от него в некотором отдалении стоит Талейран, слева, поближе, Дарю... Император делает мне знак приблизиться. Я останавливаюсь на подобающем расстоянии. Он смотрит на меня внимательно и говорит: «Vous etes un homme!» («Вы настоящий человек!») Я кланяюсь.

– Сколько вам лет? – Шестьдесят.

– Вы прекрасно держались. Я знаю, что вы первый драматург Германии».

Гёте возражает и указывает на Шиллера и Лессинга. Наполеон читал только «Тридцатилетнюю войну» Шиллера, она ему не понравилась. Гёте берет под защиту Шиллера. Наполеон прерывает его и спрашивает, есть ли в Веймаре писатели-академики. Гёте указывает на Виланда как на самого знаменитого среди всех. Наполеон просит пригласить его в Эрфурт.

Слово берет Дарю. Он повторяет похвалы в адрес Гёте, которые дошли до них в Берлине, указывает на его переводы с французского, особенно Вольтерова «Магомета».

– Немедля справлюсь, – говорит император, нельзя ли здесь сыграть эту пьесу. Вы должны услышать это произведение на французском языке, но пьеса не хороша.

И он подробно разъясняет, как не пристало покорителю мира давать столь нелестную характеристику собственной особе.

Потом Наполеон переходит к «Вертеру». Он читал его семь раз и даже брал с собой в Египет. Император делает множество замечаний, которые Гёте считает совершенно справедливыми, и говорит: – Мне не нравится конец вашего романа.

– Не думаю, что вашему величеству нравится, когда у романа есть конец.

Императору кажется неестественным одно место в романе. Он спрашивает Гете: «Почему вы так сделали?»

Гёте смеется (как он пишет в своих письмах) или улыбается (как значит в его гораздо более позднем, все сглаживающем рассказе) и говорит, что, хотя ему никто еще не делал подобного упрека, он кажется ему вполне справедливым. Он признает, что это место романа, может быть, действительно противоречит правде. Но все-таки поэту простительно прибегать к определенному художественному приему, чтобы произвести впечатление, которого он не может достичь естественным путем.

«Император, казалось, остался удовлетворен этим объяснением, вернулся опять к драме и сделал ряд очень

существенных замечаний, словно судья по уголовным делам, который с величайшим вниманием следил за развитием трагедии и чрезвычайно глубоко пережил отход французского театра от природы и правды. Он отрицательно относится и к трагедии судьбы, она возникла в мрачные времена.

– Какой смысл имеет сейчас судьба? Политика – вот судьба, – говорит Наполеон».

- *С какой целью Наполеон пригласил Гете? Стремится ли использовать его талант в своих интересах?*
- *Обратите внимание, как Наполеон произносит имя Гете.*

И снова обращаясь к Дарю, он продолжает обсуждать с ним вопрос о контрибуции. Гёте отходит в эркер и, оглянувшись, замечает Бертье и Савари. Входит высокий длинноволосый маршал Сульт и докладывает о Польше.

Наконец «император встал, направился ко мне и при помощи некоего обходного маневра отрезал меня от шеренги, в которой я стоял. Повернувшись спиной к окружающим и понизив голос, он принялся расспрашивать, женат ли я, есть ли у меня дети, и т. д. – «то есть, обо всем, о чем принято спрашивать в приватной беседе». И, наконец, нравится ли мне здесь.

– Очень. И надеюсь, что дни эти пойдут на пользу и нашей маленькой стране.

– Счастливы ли ваш народ?

– Надеюсь, что да.

– Мосье Готт, вам следует оставаться с нами, пока мы будем пребывать здесь, и описать впечатление, которое произведет на вас сей грандиозный спектакль.

– Для этого надобно перо античного писателя...

– Ваш герцог пригласил меня в Веймар. Некоторое время он был здорово зол, но потом исправился.

– Если он и был зол, сир, то наказание оказалось слишком суровым. Впрочем, быть может, мне не подобает судить об этих предметах?..».

Император в третий раз возвращается к вопросу о трагедии.

– Она должна являться школой для государей и народов. Вот величайшая цель, которой только может достигнуть писатель. Вам следует написать «Смерть Цезаря», но самым достойным образом, с большим величием, чем это сделал Вольтер. Труд этот должен стать главной задачей вашей жизни. Вы должны показать всему миру, что Цезарь осчастливил бы человечество, если бы ему дали время осуществить свои обширные планы. Приезжайте в Париж! Я требую!

И приглашает Гёте вечером в театр. Там будет множество государей.

– Вы знаете князя-примаса? Нет? Тогда вы увидите вечером, как он будет спать на плече у короля Вюртембергского. А русского царя вы знаете? Вам следовало бы написать стихи об Эрфурте и посвятить их ему.

– Я никогда не делал подобных вещей, дабы не раскаиваться в них впоследствии.

– При Людовике Четырнадцатом наши великие писатели поступали иначе.

– Несомненно, сир, однако неизвестно, не раскаивались ли они в этом.

Гёте отвечал очень естественно.

«Император, казалось, был доволен... Слушая, он редко оставался неподвижен. Он либо раздумчиво кивал головой, либо говорил «да», «хорошо»... и обычно прибавлял: что скажете, monsieur Gott?

Наконец я воспользовался случаем и сделал знак камергеру, спрашивая, могу ли я уйти. Он кивнул утвердительно, и я тут же откланялся».

Аудиенция, которую Гёте и Наполеон дали друг другу, длилась более часа.

Гёте долго хранил молчание об этой встрече. Он не отвечал на расспросы герцога и даже через шесть лет все еще отказывался подробно рассказать о ней. Он боялся сплетен. Но что самое удивительное, Гёте ничего не записал. Только через шестнадцать лет продиктовал он набросок, который и сам охарактеризовал как далеко не достаточный. Гёте умолчал и о разговоре на политические темы, о котором сохранились лишь две-три фразы, и о всех высказываниях Наполеона во славу Гёте, и, наконец, о своих удачных ответах, о которых мы узнаем лишь косвенным образом из его писем. Но разговор этот удалось восполнить по воспоминаниям канцлера фон Мюллера, который составил о нем мемуар специально для Талейрана, и, наконец, из воспоминаний самого Талейрана.

«Вы настоящий человек!»

Разве мог Наполеон воздать большие почести немецкому поэту, чем предложив ему написать произведение на ту же тему, что и Вольтер? И даже лучше, чем Вольтер? И это вместо того, чтобы хвалить французскую драматургическую школу, у которой следовало учиться некультурным побежденным! Да, Наполеон откровенно высказался против

французского театра, который кажется ему фальшивым и неестественным. Но тут приходится вспомнить, что говорит это вовсе не француз; и естественно, почему Гёте, быстрее, чем французы, достигает понимания с полунитальянцем. И, наконец. Наполеон приглашает в Париж немца писать для его, императорского, театра. Наполеон прекрасно знал, что оскорбляет этим французских писателей. Для чего же он это сделал? Ответ дает репертуарный план, составленный специально для Эрфурта.

Присутствуя на «Митридате», Гёте убедился, как велика ненависть Наполеона к Англии. А явившись на «Ифигению» Расина, он слышит Тальма, который декламирует согласно указаниям, полученным из высочайших уст, стихи о славе, завоеванной исключительно благодаря собственным усилиям.

Когда же в «Магомете» один из приверженцев пророка восклицает: «Кто увенчал его? Кто сделал королем? Победа лишь!», Гёте видит, как взоры всех устремляются к императорской ложе. И, наконец, когда Омар вещает, что пророк хотел бы променять свое имя завоевателя и триумфатора на имя носителя мира: «Не победителя его прельщает путь, к тому, кто мир творит, намерен он примкнуть», — Наполеон, сидя в ложе, делает жест, подтверждающий, что такова и его воля.

Вот в эту минуту Гёте должен был понять, сколь высоко чтит его завоеватель мира, раз он пытается сделать его провозвестником величия Цезаря, а следовательно... чьего?

...Римеру Гете сказал: «Удивительные слова императора, которыми он меня встретил, — «*Vous etes un homme*» — стали широко известны. Все решили, что я законченный язычник, раз слова «*Esse homo*» применены ко мне в обратном смысле. И на груди у «национального писателя»,

как символ единения Запада и Востока, появились орден Почетного легиона и российская Звезда.

Не только для Гёте, но и для Веймара последствия этих дней оказались очень важны. «Наполеон наш святой, — пишет министр Фойт, — Веймар освобождают от воинских наборов».

Пер.и комм. Е. Закс.

Источник: <http://www.sky-art.com/goethe/ludwig/ludwig00.htm>